

6. Rozhdestvenskij Vs. Stranicy zhizni. M.: Sovremennik, 1974. 464 p.
7. Teorija hudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaja pojetika: in 2 vol. / ed. N. Tamarchenko. M.: Akademija, 2004. Vol.1. Teorija literatury. 512 p.
8. Chukovskij K. Nat Pinkerton i sovremennaja literatura. M.: Sovremennoe tvorcestvo, 1910. Available at: <http://biblogid.ru/pisateli/pisateli-o-chtenii/390-k-i-chukovskij-nat-pinkerton>.
9. Hodasevich V. Blagonamerennyj – №2. – Brjussel', 1926 Available at: <http://ouc.ru/khodasevich/o-povesti-i-lykasha.html>.
10. Jerenburg I. Ljudi, gody, zhizn'. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 496 p.

ВИДЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ: СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИКИ

Ивашнёва Лидия Леонидовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Данное исследование посвящено рассмотрению фольклорных нарративов о видениях высших сил. Учёт своеобразия поэтики и особых функций этой разновидности народной прозы даёт основания трактовать видения как отдельный вид в жанре легенды. В статье основное внимание уделено особенностям сюжетосложения и системе символов, имён, архетипов. Исследование базируется на материалах, не введённых ранее в научный оборот.

Ключевые слова: фольклорные нарративы о чудесных видениях, устные легенды, своеобразие поэтики, функции, разновидности фольклорной прозы, проблема жанра, духовная культура, комплексный подход

VISIONS IN FOLK PROSE: THE ORIGINALITY OF POETICS

Ivashnyova Lydiya L., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The following study is concerned with folk narratives about miraculous apparitions of higher powers. Taking into account the special poetics characters and functions of this folk prose allows to interpret the visions as the type of legend genre. The article concentrates on plot lines and system of symbols, names, archetypes. This research is based on materials, which have not been previously examined.

Keywords: folk narratives about miraculous apparitions, oral legends, the originality of poetics, functions, varieties of folk prose, the problem of genre, spiritual culture, a comprehensive approach

Видения небесных сил занимают одно из важнейших мест в жанровой системе книжной культуры Древней Руси, церковной и светской [5, с. 154-164; 9; 10, с. 35-56; 12, с. 141-156; 13, с. 160-194]. По мнению отечественных медиевистов, видениями пронизана вся древнерусская литература. Устные рассказы о видении Христа, Богоматери, святых, других представителей высших сил в «тонком сне», на грани сна и бодрствования, являются важной составной частью фольклорной прозы. Они рассматриваются исследователями в качестве фольклорных нарративов о снах и видениях, что наиболее полно отражено в сборнике «Сны и видения в народной культуре» [14, с. 9–25; 247–260; 261–270; 310–327].

В классификации, предложенной известным краеведом А.В. Баловым, дано описание основных типов сновидений. В их числе – «религиозные» сны: их «народ единогласно приписывает Богу и святым его» [1, с. 212]. Современное научное осмысление устных повествований о снах и видениях, обу-

словленных христианской верой и идеологией народного православия, актуализируется и в связи с возродившимся изучением жанра легенды, и в свете культурологического интереса к сновидениям.

В сюжетах *видений* и *снов сакрального характера*, как и в народной легенде, отчетливо видна установка на достоверность повествования – независимо от фантастического с обыденной точки зрения характера содержания. Очевидна присущая несказочной прозе назидательная функция таких нарративов. Несомненно пересечение и взаимодействие устной и книжной (библейской, житийной, апокрифической) традиций.

Сюжетно-композиционным ядром родственных легендам снов/видений является концепт чуда. Чаще всего в таких рассказах повествуется о явлении чудотворной иконы, креста или другого сакрального объекта, о видении святых, Богородицы, Христа и других небесных сил. Многие тексты имеют отчетливо выраженные черты легенды.

В фольклорных нарративах о *«религиозных»* сновидениях нередко рассказывается о происхождении церкви, часовни, обетного креста, или о почитаемых в народе местах и святынях, либо о других проявлениях сверхъестественного в индивидуальном мистическом опыте человека. Ключевые мотивы и образы видений связаны с сакральной сферой бытия, между тем действие происходит в реальной обстановке обыденной жизни, а не в иномирном пространстве вещего сна либо в топосе ада и рая легенд об обмираниях.

Сны/видения могут быть ядерным, центральным эпизодом повествования, выполняя функцию важнейшего структурного элемента. Структурообразующее значение данной разновидности видений проявляется в том, что рассказ о чуде разворачивается в самостоятельное сюжетное произведение. Такие нарративы, безусловно, следует отнести к легендам.

Как известно, в рассказах о вещих снах и в легендах об обмираниях их символические образы и мотивы требуют специального истолкования. В фольклорных же нарративах о христианских святынях видение является непосредственным, прямым обращением к человеку из запредельной сферы. Такого рода сообщение из иномирного сакрального пространства А.А. Панченко определил как «речь-действие» [8, с. 17, 22–23]. В этих обращениях к человеку содержатся повеления, наказания или запреты, предостережения либо пророчества. В них отчетливо видна характерная для видений модальность и эмоциональная окрашенность повествования. Идея долженствования, стремление и умение воздействовать на природу, судьбу человека и коллектива, на весь окружающий мир органически присущи народной духовной культуре.

Итак, речь-предписание священного персонажа в *«религиозных»* снах/видениях «указывает, рекомендует, предупреждает» [8, с. 23]. Христос, Богородица и святые являются простым смертным и побуждают их к тем или иным конкретным поступкам, повелевают людям совершить определенные ритуальные действия.

Эти деяния всегда конкретны и нацелены на благополучие социума, на пополнение сакрального знания человека об окружающем мире. Пророческие сны с суггестивной модальной окрашенностью типичны для народных легенд как об основании церкви либо монастыря, о строительстве часовни, так и о разрушении храмов и других святынь, о возмездии за преступления (в основном в текстах, записанных в XX и XXI веках).

В современных легендах, в народных рассказах о местных святынях (храмах, часовнях, монастырях, природных объектах) и об их уничтожении в XX веке особо выделяется сюжетный мотив возмездия. В таких текстах легендарного характера сон/видение часто является важным структурообразующим элементом и оказывается предупреждением персонажа из сакрально отмеченного пространства о грядущем наказании. В статье Е.Е. Левкиевской,

где предпринимается попытка систематизировать современные городские легенды, корпус текстов о возмездии за преступления перед святынями выделен в самостоятельный жанр фольклорной прозы [3, с. 819–820]. Автор указывает на актуальность и многочисленность сюжетов о возмездии, на их повсеместное бытование.

Обратимся к типичному примеру легенд о разрушении храма, о неудавшихся попытках использовать его кирпич в бытовых целях и о возмездии за преступление. *«В начале восьмидесятых годов председатель колхоза «Ленинский путь» принял решение закончить разрушение большемогойской церкви. [Речь идёт о церкви в селе Большой Могой Володарского района Астраханской области]. Нескольким старым женщинам перед этим приснился сон, что появились три святителя (Григорий Богослов, Иван Златоуст, Василий Великий) и предупредили, что в случае разрушения церкви погибнет и всё село. Однако председатель не поверил, подогнал два мощных гусеничных трактора и приказал растащить церковь в разные стороны, а сам уехал.*

Один из трактористов, более пожилой, засомневался, нужно ли это делать. Однако молодой потребовал немедленно приступить к делу. Из церковных кирпичей хотели сделать коровник. Из плит, которые покрывали пол, хотели застелить пол в правлении колхоза. Ничего не вышло: кладка разрушалась огромными кусками, ни одного кирпича добыть не удалось. В этот же день молодой тракторист вместе с сестрой перевернулись на тракторе и погибли оба. Похоронены в Малом Могое. [Малый Могой – село Володарского района Астраханской области]. Старый тракторист при ремонте трактора кусочком металла выбил себе глаз и тут же ушел на пенсию. Сам председатель колхоза умер за рулем своего автомобиля от сердечного приступа через несколько дней.

В настоящее время в селе закрыли больницу, сорвало кровлю со школы, вышел из строя водопровод. Каждый день отключают электричество. Колхоз, слава которого гремела по всей стране (даже были лауреаты Сталинской премии), по году не платит зарплату. Люди унылые и ни во что не верят. Счастье, что в селе еще осталась колокольня, хотя те, кто в тридцатых годах сбрасывал с нее колокола, поумирали в молодости. Поэтому еще есть надежда, что люди покаются и село возродится». (Зап. Н.М. Жилкиной в пос. Володарский 11 февраля 1996 года от Жилкина Михаила Александровича, 1949 года рождения. Фольклорный архив АГУ. В дальнейшем – ФА АГУ).

Данный текст, как и другие рассказы о видениях, близкие по структуре и семантике к легендам, имеет ярко выраженную дидактическую установку предупреждения о неотвратимости наказания за грех уничтожения святыни. Тема предостережения от греха приобретает здесь усиленную форму. Она заявлена во вставном микросюжете, который представляет собой видение во сне жителям села Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Сон-предупреждение привиделся сразу *«нескольким старым женщинам»*. Как это нередко наблюдается в жанре видений, один и тот же сон может присниться независимо друг от друга не одному человеку, а двум и более. Эта деталь по-своему подчёркивает действенную силу чуда. Цели предупреждения греха и спасения души человека служит также всё повествование в целом.

Современные исследователи фольклорной прозы отмечают, что крайне важная тема возмездия разрабатывается как наказание от Бога, а не от людей [2, с. 500–512]. Возмездие участникам преступного деяния – это всегда Божий суд и Божья кара, о чём повествуется в объективной манере, без каких-либо оценочных моментов и комментариев. А.Б. Мороз разграничивает преступление, которое наказуемо государством, и греховное деяние: *«Грехом*

мыслится проступок, который влечёт за собой наказание со стороны высших сил, потустороннего мира» [6, с. 205]. Аналогичные наблюдения сделаны Е.Е. Левкиевской [3, с. 820].

По сравнению с основной частью легенды о большемогойской церкви, более эмоциональны размышления рассказчика о последствиях уничтожения храма для духовной и обыденной жизни села. В развитии темы греховности обнаруживаются новые грани. Финал рассказа невольно возвращает его восприятие в начало повествования, в завязку сюжетной линии.

Центральная часть легенды об изуродованной церкви и о возмездии участникам её разрушения обрамляется эпизодом видения «трёх святителей» в начале текста и рассуждениями М.А. Жилкина о проблемах жизни села – в конце. Начальная и завершающая части легенды, при неизбежных структурных различиях, утверждают мысль об ответственности всех жителей за происходящее в их общем доме, за молчаливое и пассивное соучастие в преступлении. Видимо, следует иметь в виду, что описанные события разворачивались не в эпоху хрущёвских гонений на Церковь, а в начале восьмидесятых годов XX века, за несколько лет до «перестройки» в духовной жизни общества.

Предупреждение о беде декларируется Григорием Богословом, Иоанном Златоустом и Василием Великим в лаконичном и отчётливом словесном оформлении. В то же время подспудно, на имплицитном уровне текста, эпизод видения отцов Церкви содержит негласный призыв активно противостоять уничтожению святыни. «Три святителя» указали на это кощунство как на всеобщее бедствие: «в случае разрушения церкви погибнет всё село».

В легенде не сказано открытым текстом о греховности пассивной позиции по отношению к преступлению, но в финале повествования активизируется тема покаяния живущих (то есть не тех людей, кто уже наказан Богом за кощунство и святотатство). По мысли рассказчика, без этого невозможно возрождение к полнокровной жизни. Образ уцелевшей колокольни символизирует надежду на то, что «люди покаются и село возродится».

В народных рассказах письменной традиции, в уцелевших автобиографических повествованиях [4, с. 423–429] о жизни русской деревни преобладают трагические мотивы. Особенно часто они связаны с темой осквернения святынь, разрушения и утраты «русской православной крестьянской культуры» и, как следствие, – «основ крестьянского быта и бытия» [4, с. 425]. В устных фольклорных рассказах и в указанном жизнеописании Ивана Степановича Карпова, северодвинского крестьянина, пережившего ужасы «раскулачивания», «нет проклятий разрушителям и осквернителям» [4, с. 425]. В то же время в них есть горечь неприятия рассказчиками покорности жителей села по отношению к беззаконию властей и «к творимому безумию» [4, с. 425].

Фольклорные нарративы о снах/видениях многообразны с точки зрения целевой установки и конкретных проявлений модальности. Наибольшую частотность имеют видения святых и Богоматери с императивно-модальной направленностью, с повелениями, теми или иными требованиями и предостережениями от греховных поступков. Вместе с тем, в видениях нередко содержится не только сакральное знание. В них можно встретить совет, подсказку, другую информацию житейского характера, важную, однако, и для отдельного человека, его семьи и для сообщества людей.

Так, например, в легенде о хорошо известной на Нижней Волге церкви святителя Николая Чудотворца, некогда величественной, богато украшенной, видение во сне имеет непосредственной целью утешить прихожанку разграбленного храма. «Эта история была, когда разрушали Мултановскую церковь. Моя мама там пела с малых лет до замужества. Как она плакала, как тосковала! Приехали люди разорять церковное имущество. Все люди были в шоке, все плакали. Одной женщине во сне явилась святая и говорит: “Не плачь, раба, этими иконами они не попользуются”, – и пропала.

Утром нагрузили полный паром иконами и поехали. Доезжают до речинки (sic!), а тишина божественная. И вдруг вихрь поднялся, такой сильный! Перевернул весь паром, и всё, что было, потонуло. И все люди, которые везли этот паром, по-человечьи не умерли: кто там же потонул, кто после от голода, кто с ума сошёл. А некоторые иконы жгли за селом. Слитки золотые, которые они хотели себе взять, превратились в шарик. И не могли они поймать этот шарик: долго гнались за ним, а потом он под землю ушёл». (Зап. Ж.А. Терекбаевой в с. Нововасильеве Володарского района 20 июля 2003 года от Матвеевой Веры Гавриловны, 1943 года рождения – ФА АГУ).

Ключевая для легенд о разрушении храмов тема неотвратимости наказания свыше традиционна для данного сюжетного типа. В то же время и в эпизоде сновидения, и в картине урагана как проявления Божьей кары нельзя не заметить элементов своеобразия. Отдельные детали повествования отражают местные природные и бытовые особенности. В частности, здесь речь идёт о пароме как универсальном средстве передвижения и перевозки грузов. Оригинален эпизод чудесного исчезновения награбленного церковного имущества, золота, украшавшего иконы. Золотые слитки превращаются в шарик, который, как живой, убегает от похитителей-святотатцев и уходит под землю.

Как это свойственно легендам с ключевым структурообразующим мотивом видения, конкретные действующие лица, реальный хронотоп событий и сюжетная линия нарратива не заслоняют его духовно-нравственного смысла. Бытовая и фактическая конкретизация отнюдь не снижает высокого содержания символических образов, а, наоборот, способствует их жизненному наполнению, функциональной действенности и художественной убедительности.

В особую тематическую группу необходимо выделить тексты, в которых посредством видений сообщается информация, связанная с историческими событиями и их преломлением в судьбах людей. Например: *«Это с моей свекровью было. Маленькая она тогда была, годочков десять, а может, и того меньше. На взгорке коров она пасла. И вдруг посередь дня, значит, – видение ей. А дело-то обеднее, солнце припекает, а оттого, может, и видение ей такое. Спускается с неба женщина в одежде белой, а вокруг неё сияние – лица толком не видать!*

И говорит ей такие слова, что “вырастешь ты, замуж пойдёшь, у тебя два сына народятся. Но будет великое кровопролитие. И люда погибнет там бесчисленно, и сыновья твои погибнут там. А ты их переживёшь, а утешением тебе внуки будут”. А потом так медленно в небо и ушла. А лицо прояснилось её. И такое оно молодое, красивое, и улыбалось девчужке, моей свекрови, значит. А в деревне как узнали, так толки всякие пошли. А старые люди стали поговаривать, что не иначе, как сама Богородица наземь сошла. И вот ведь сбылось ейное предсказание! Я за её сына старшего пошла, и тут война началась». (Зап. Г.М. Куановой в с. Черёмухе Красноярского района Астраханской области 10 июля 1997 года от Подгоровой Серафимы Прохоровны, 1922 года рождения – ФА АГУ).

Обращает на себя внимание оригинальная сюжетная реализация устойчивого для легенды противопоставления двух миров, обыденной и метафизической реальности, и взаимодействия между ними. Неземное сияние, исходящее от Богородицы, – это почти цитата из агиографической литературы. В житиях нередко представлены эпизоды видения святыми ангелов, Христа и Богородицы, Николая Чудотворца (чаще всего в храме либо в монастырской келье). В данной устной легенде, как и в книжной традиции, инициатива общения с земным персонажем принадлежит Богородице.

Вместе с тем, контраст между обстановкой знойного полдня в астраханской полупустыне и чудом явления сошедшей «наземь» Божьей Матери не воспринимается как нечто сверхъестественное и отдельное от жизни людей. Трагизм предсказанных Богородицей событий («великое кровопролитие»,

гибель людей) контрастирует с красотой и улыбкой Богородицы, с сиянием божественного света и несколько смягчается ощущением всеприсутствия высших сил.

Богородица сошла к девочке с пророчеством о Великой Отечественной войне, о смерти её близких – и с утешением: «*Сыновья твои погибнут*», «*а утешением тебе внуки будут*». Несмотря на объективный трагизм случившегося предсказания, в легенде утверждается идея преодоления смерти и жизнестроительства (через продолжение рода).

Органически присущая несказочной прозе установка на достоверность повествования раскрывается в этом тексте как традиционными способами (конкретные участники события, время и место действия), так и деталями восприятия девочкой внешнего облика Богородицы. Со свойственной ребёнку любознательностью девочка всматривается в её облик, пытается разглядеть черты лица Божьей Матери, которые поначалу было «*толком не видать*» – из-за сияния «*вокруг неё*».

А в конце монолога-предсказания Богородицы о грядущей войне, о судьбе девочки в замужестве это неземное «*лицо прояснилось*». Молодое и красивое, оно «*улыбалось девчужке*». Благодаря этим выразительным, надолго запомнившимся ребёнку деталям чудо видения Богородицы предстаёт в движении, в развитии. Оно является зримым, имеет протяжённость во времени, что тоже убеждает в достоверности рассказанного.

Наряду с видениями, в которых Богородица и святые предостерегают от греха, исцеляют, требуют совершить те или иные поступки, нередко встречаются тексты, где посредством видения человек получает необходимую для него информацию, совет, напоминание. Например: «*У нас в селе, в Трудфронте, не было храма. Своими силами, то есть силами местных жителей, мы соорудили молельный дом. Но всем жителям хотелось, чтобы был воздвигнут храм. Я дала обещание, что построю храм. Но со временем об этом забыла. И мне стал сниться сон, а в этом сне женщина, которая говорит мне: "Делай, что обещала". Этот сон повторялся ровно три раза, только после этого я вспомнила о своём обещании. Много надо было приложить усилий, чтобы построить белокаменный храм. Но с Божьей помощью и молитвами Богородицы храм был возведён*». (Зап. Ю.М. Марковым в с. Трудфронте Икрянинского района Астраханской области 10 июля 2007 года от Луниной Валентины Романовны, 1934 года рождения, старосты храма в честь Донской иконы Божией Матери – ФА АГУ).

Фольклорные видения отличаются от устных рассказов о вещих снах и от других смежных жанровых форм «*учительной*» направленностью, открытой, подчёркнутой назидательностью и ярко выраженной суггестивной модальностью. В видениях содержится не только предзнаменование событий особой важности, но и активное побуждение к конкретному поступку. В них запрограммировано ответное безотлагательное действие, правильное поведение воспринимающего субъекта.

Содержание повествований о видениях многообразно, что сосуществует с однозначностью нравственно-целевой установки. Не всегда видения напрямую связаны с сакральной сферой бытия. Однако индивидуальный мистический опыт, полученный в *диалоге* (В.Н. Топоров) между представителями разных миров, земной и метафизической реальности, во всех случаях имеет особую значимость для жизни отдельного человека, семьи и социума.

Диалог, о котором идёт речь, необычен, он имеет глубинный контекст. Повеление, сообщение свыше осуществляется в видениях в монологической форме, как правило, с помощью глаголов в повелительном наклонении. Между тем всё происходящее в эпизоде видения – это диалог двух сфер бытия (по инициативе высших сил). Анализируя видения в системе жанров средневековой русской литературы, Н.И. Прокофьев указывает на феномен бого-

общения. Он активизируется в видениях и на уровне зрительного образа (появление персонажей высших сфер в земном мире), и в символично-аллегорической форме [11, с. 34].

В народной аксиологии, в системе ценностных ориентаций мировидения человека традиционной культуры такого рода диалог является примером благодатных даров людям. Он представляет уникальную и реальную возможность для творчества и сотрудничества представителей нашего и неземного миров. Диалог земной и небесной сферы бытия присущ всем рассмотренным в данной статье фольклорным нарративам о видениях. Таким образом, видения высших сил, тесно связанные с книжной традицией и другими жанрами русского фольклора, требуют дальнейшего изучения в аспекте их поэтики и жанровой принадлежности. Между тем предварительный анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что в них больше сходства с фольклорной легендой, нежели со сновидениями.

Зрительные впечатления сновидцев и персонажей видений и устные повествования о них представляют собой уникальное неразрывное единство словесного и изобразительного планов содержания данных нарративов. *Увиденное* следует считать основной формой существования (и порождения) нарративов для этого феномена народной духовной культуры.

Как выявляется из анализа текстов, структурные элементы нарративов о видениях имеют значительную сюжетообразующую «валентность» и, соответственно, немалый повествовательный потенциал. Они способны входить в различные сцепления с другими фольклорными и литературными мотивами и образами, что служит доказательством жизнеспособности данной разновидности фольклорной прозы.

Список литературы

1. Балов А. В. Сон и сновидения в народных верованиях: Из этнографических материалов, собранных в Ярославской губернии / А. В. Балов // Живая старина. – Санкт-Петербург, 1891. – Вып. IV. – С. 208–213.
2. Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей / В. Е. Добровольская // Русский фольклор. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – Т. XXX. – С. 500–512.
3. Левкиевская Е. Е. Москва в зеркале современных православных легенд / Е.Е. Левкиевская // Лотмановский сборник / сост. Е. В. Пермяков. – Москва : «О.Г.И.»; РГГУ, 1997. – Т. 2. – С. 805–835.
4. Маркелов Г. В. Жизнеописание пермогорского крестьянина И.С. Карпова / Г. В. Маркелов // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 1993. – Т. XLVII. – С. 423–429.
5. Мелихов Н. В. Сюжетная организация цикла видений печорского старообрядца С.А. Носова / Н. В. Мелихов // Уральский сборник: История. Культура. Религия. – Екатеринбург : Уральский университет, 1998. – С. 154–164.
6. Мороз А. Б. Представления о грехе в современной традиционной культуре Русского Севера / А. Б. Мороз // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. – Москва : Пробел, 2000. – С. 195–205.
7. Мухина Е. А. Время и пространство православного человека в эпическом духовном стихе / Е. А. Мухина // Россия и славянский мир: история, язык, культура : сб. науч. тр. – Москва : Три квадрата, 2008. – С. 256–263.
8. Панченко А. А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках / А. А. Панченко // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О. Б. Христофорова; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – Москва : РГГУ, 2002. – С. 17; 22-23.
9. Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / А. В. Пигин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 432 с.

10. Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древней русской литературе / Н. И. Прокофьев // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. – Москва : МГПИ, 1964. – № 231. – С. 35–56.

11. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI-XVI вв. / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси : сборник трудов / сост. проф. Н. И. Прокофьев. – Москва : МГПИ, 1975. – Вып. 1. – С. 5–39.

12. Ромодановская Е. К. Рассказы сибирских крестьян о видениях / Е. К. Ромодановская // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. – Т. XLIX. – С. 141-156.

13. Рыжова Е. А. Жанр видений в севернорусской агиографии / Е. А. Рыжова // Русская агиография: Исследования. Публикации. Poleмика / отв. ред. С. А. Семячко. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. – С. 160–194.

14. Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О. Б. Христофорова; отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – Москва : РГГУ, 2002. – С. 9-25; 247-260; 261-270; 310-327.

References

1. Balov A. V. Son i snovidenija v narodnyh verovanijah: Iz jetnografičeskikh materialov, sobrannyh v Jaroslavskoj gubernii // Zhivaja starina. St.Petersburg, 1891. Iss. IV, pp. 208–213.

2. Dobrovol'skaja V. E. Neskazochnaja proza o razrušenii cerkvej // Russkij fol'klor. St.Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1999. Vol. XXX, pp. 500–512.

3. Levkievskaja E. E. Moskva v zerkale sovremennyh pravoslavnyh legend // Lotmanovskij sbornik. Moscow, «O.G.I.»; RGGU, 1997. Vol. 2, pp. 805–835.

4. Markelov G. V. Zhizneopisanie permogorskogo krest'janina I.S. Karpova // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. St.Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1993. Vol. XLVII, pp. 423–429.

5. Melihov N. V. Sjuzhetnaja organizacija cikla videnij pechorskogo staroobrjadca S.A. Nosova // Ural'skij sbornik: Istorija. Kul'tura. Religija. Ekaterinburg, Ural University, 1998, pp. 154–164.

6. Moroz A. B. Predstavlenija o grehe v sovremennoj tradicionnoj kul'ture Russkogo Severa // Koncept greha v slavjanskoj i evrejskoj kul'turnoj tradicii / ed. O.V. Belova. Moscow, Probel, 2000, pp. 195–205.

7. Muhina E. A. Vremja i prostranstvo pravoslavnogo čeloveka v jepičeskom duhovnom stihe // Rossija i slavjanskij mir: istorija, jazyk, kul'tura. Moscow, Tri kvadrata, 2008, pp. 256–263.

8. Panchenko A. A. Son i snovidenie v tradicionnyh religioznyh praktikah // Sny i videnija v narodnoj kul'ture: Mifologičeskij, religiozno-mističeskij i kul'turno-psihologičeskij aspekty / sost. O. B. Hristoforova; отв. ред. S. Ju. Nekljudov. Moscow, RGGU, 2002, pp. 17; 22-23.

9. Pigin A. V. Videnija potustoronnego mira v russkoj rukopisnoj knižnosti. St.Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2006. 432 p.

10. Prokof'ev N. I. Videnie kak zhanr v drevnej russkoj literature // Uch. zap. Mosk. gos. ped. in-ta im. V.I. Lenina. Moscow, MGPI, 1964, № 231, pp. 35–56.

11. Prokof'ev N. I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ja i sisteme zhanrov russkoj literatury XI-XVI vv. // Literatura Drevnej Rusi. Moscow, MGPI, 1975. Iss. 1, pp. 5–39.

12. Romodanovskaja E. K. Rasskazy sibirskih krest'jan o videnijah // Trudy otdela drevnerusskoj literatury. St.Petersburg, Dmitrij Bulanin, 1996. Vol. XLIX, pp. 141-156.

13. Ryzhova E. A. Zhanr videnij v severnorusskoj agiografii // Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikacii. Polemika / ed. S. A. Semjachko. St.Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2005, pp. 160–194.

14. Sny i videnija v narodnoj kul'ture: Mifologičeskij, religiozno-mističeskij i kul'turno-psihologičeskij aspekty / ed. S. Ju. Nekljudov. Moscow, RSGU, 2002. pp. 9-25; 247-260; 261-270; 310-327.

СИМВОЛИКА РОЗЫ В ЛИРИКЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Арефьева Наталья Генриевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: natarefieva@gmail.com.

В статье исследуется древнегреческий мифопоэтический образ розы в стихотворениях русского символиста. Рассматриваются различные интерпретации этого универсального символа в лирике В.И. Иванова.

Ключевые слова: миф, мотив, образ, роза, поэт, смерть, символ

SYMBOLIC OF ROSE IN VYACHESLAV IVANOV'S LYRIC POETRY

Arefieva Natalia G., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: natarefieva@gmail.com.

In the offered article analyses Ancient Greek mythopoetic image of rose in the poems of Russian symbolist. In this paper deals various interpretations of this universal symbol Ivanov's lyric poetry.

Keywords: myth, motive, image, rose, poet, death, symbol

Роза – один из самых сложных универсальных мифопоэтических символов: «символ вечно меняющегося и открывающегося новыми гранями мира» [6, с. 419]. В поэзии В.И. Иванова это один из наиболее емких и значимых символов. Так, в стихотворении «Ad Rosam» («К розе») Вяч. Иванов, обращаясь к розе, называет ее цветком неба и земли, жизни и смерти, символом радости и глубокой печали:

Ты, Роза милая, все та ж на персях жен,
И та ж под сенью кипарисной [2, II, с. 449].

Целый цикл стихов в книге пятой «Cor ardens» посвящен многозначному мифопоэтическому образу розы, основную идею этого цикла сформулировал В.Н. Топоров: «В поэтическом цикле Вяч. Иванова «Rosarium» роза связывает бесконечное число символов, сопровождая человека от колыбели через брак к смертному ложу, и является как бы универсальным символом мира и человеческой жизни» [4, с. 386].

Мы не будем рассматривать все стихотворения Иванова, связанные с мотивом «розы», то есть искать все значения этого символа в поэзии русского символиста. Целью нашей работы является исследование символики розы, связанной непосредственно с древнегреческой традицией. Согласно древнегреческим мифам, роза появилась одновременно с любовью, богиней любви. Она родилась из белоснежной пены, покрывавшей тело рожденной в море Афродиты. Таким образом, роза мыслится как источник жизни, красоты и радости.